

- ⁹ *Idem.* Adalékok II. Rákóczi Ferencz törökországi bujdosása történetéhez // Századok. 1905. 39. évf. 3. sz. 197–222. old.
- ¹⁰ *Idem.* Késmárki Thököly Imre, 1657–1705. Bp., 1888. I. köt. 55–56. old.
- ¹¹ Письмо Д. Секфю к Ф. Ридлю цит. по: *Dénes I.Z.* Op. cit. 53. old.
- ¹² *Szekfű Gy.* A száműzött Rákóczi. Bp., 1913¹, 1993². 292–293. old.
- ¹³ *Ibid.* 81. old.
- ¹⁴ *Ibid.* 121. old.
- ¹⁵ *Ibid.* 161. old.
- ¹⁶ *Ibid.* 32. old.
- ¹⁷ Письмо Д. Секфю к Ш. Домановски, 7 III 1914 см.: МТАК К. Ms 4527/267.
- ¹⁸ *Dénes I.Z.* Op. cit. 67. old.
- ¹⁹ *Dénes I.Z.* Op. cit. 68. old.
- ²⁰ *Schöpflin A.* Aforizmak a Szekfű-ügy körül // Nyugat. 1916. 9. sz. 503–508. old.
- ²¹ *Szekfű Gy.* A száműzött Rákóczi. 11. old.
- ²² *Ibid.* 15. old.
- ²³ *Ibid.* 291. old.
- ²⁴ *Ibid.* 293. old.
- ²⁵ *Szekfű Gy.* Az öreg Kossuth // Emlékkönyv Kossuth Lajos születésének 150. évfordulójára / Szerk. Z. Tóth s. tb. Bp., 1952. II. köt. 341. old.
- ²⁶ *Szekfű Gy.* A száműzött Rákóczi. 212. old.
- ²⁷ *Ibid.* 78. old.
- ²⁸ *Homan B., Szekfű Gy.* Magyar történet. Bp., 1935⁶. IV. köt. 374. old.
- ²⁹ *Czigány I.* Egy kiadatlan akadémiai székfoglaló. Szekfű Gyula Károlyi és Bercsényi a szatmári béke előtt // HtK. 1990. 2. sz. 144–147. old.
- ³⁰ Письмо Д. Секфю к А. Шёпфлину, Вена, 17.II.1914, цит. по: Schöpflin Aladár összegyűjtött levelei. Pécs, 2004. 139. old.
- ³¹ *Gergely A.* Németh László vitája Szekfű Gyulával // Valóság. 1983. 1. sz. 60. old.

B. Vörösi

ПРОПАГАНДИСТСКИЕ ИЗМЫШЛЕНИЯ 1940–1950-х гг. О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ КНЯЗЯ ФЕРЕНЦА II РАКОЦИ И ЦАРЯ ПЕТРА I*

Во время противостояния СССР и Германии в годы Второй мировой войны в пропаганде выступавших на стороне Советского Союза венгерских коммунистов, направленной на венгерский тыл, солдат и военнопленных, сражавшихся на стороне Вермахта, важная роль отводилась «антинемецким» венгерским традициям борьбы за независимость. Среди них особое место занимала освободительная борьба под предводительством Ференца II Ракоци, а самого князя превозносили как героя. Так, в передаче «Ференц Ракоци — Лайош Кошут», которая прозвучала 28 марта 1943 г. в эфире вещавшего из СССР «Радио им. Кошута» (*Kossuth Rádió*), давалась следующая оценка двух лидеров: «Разве случайно, что каждый венгр видит в этих двух гигантах олицетворение венгерского гения? [...] Ракоци и Кошут доказывают, что у венгерского народа один древний враг, а именно немец, что так называемая общность судеб и общность интересов венгров и немцев является частью империи исторической лжи, что истинная, смертельная угроза национальному и государственному существованию венгров всегда исходила не с Востока, а с Запада, не из России, а из Центральной Европы». Судя по тексту, Ракоци считал, что «против германского угнетения следует выступить вместе с врагами Германии: против Центральной Европы в союзе с Западной и Восточной Европой, т. е. с Францией и Россией»¹. На страницах издававшейся в СССР газеты венгерских военнопленных *Igaz Szó* («Правдивое слово»), в номере за 30 ноября 1943 г. — в статье «Отношения венгерского и русского народа в прошлом и настоящем» — венгерский коммунист-эмигрант Бела Фогараши (1891–1959) среди прочего рассматривал вопрос, как относились русские к освободительной борьбе под предводительством Ракоци: «Россия не только ни разу не выдвинула территориальных претензий по отношению к Венгрии, но и оказала поддержку венгерской нации на одном из самых славных этапов ее освободительной борьбы. Петр I, выведший Россию на путь современного европейского развития, признал *Ференца II Ракоци* и направил к нему высокопоставленного посла в лице князя Долгорукого** , а также оказал ему солидную финансовую помощь»².

* Выражаю признательность за помощь, оказанную при написании данной статьи, Агнеш Р. Варкони, Ильдико Йозан и Шандору Гебеи.

** По всей вероятности, речь идет о Григории Федоровиче Долгорукове. (*Прим. перев.*)

ВЫМЫСЕЛ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БЕЛЫ ИЛЛЕША И ЕГО КОЛЛЕГ

Из вышеупомянутых элементов пропаганды некоторые, а именно: использование освободительной борьбы во главе с Ракоци как традиции выдающегося значения в актуальной борьбе против Германии, изображение пророссийской ориентации венгерского руководителя и его поддержки со стороны царя Петра I — стали частью вымысла о венгерской освободительной борьбе XVIII в., автором которого был венгерский коммунист-эмигрант, писатель Бела Иллеш (1895–1974)³, в качестве офицера Красной армии работавший в сфере советской военной пропаганды. Значительная часть событий XVIII в., представленных им в различных вариациях в 1940–1950-е гг., получила отражение в его произведении «Пастушеский костер на Верховине», опубликованном в газете *Igaz Szó* 25 апреля 1944 г.⁴ Как уроженец Кашши, детство которого прошло на северо-востоке Венгрии, Иллеш был знаком с ракоцианской традицией. Описывая поддержанную Россией освободительную борьбу XVIII в., писатель стремился поместить совместную с Красной армией борьбу «против немцев» в исторический контекст. По всей вероятности, ради исторической аналогии, преследующей пропагандистские цели, автор — без указания источников информации — утверждал, что Петр I поддерживал венгерскую освободительную борьбу уже на ее начальном этапе, в 1703 г. По словам Иллеша, бежавшего в Польшу Ракоци «в Кракове постигло большое разочарование. Польский король пообещал ему, что там его будут ждать 70 тыс. готовых последовать за ним в Венгрию солдат, а также 800 тыс. фт. золотом на неотложные нужды освободительной борьбы. Обещание осталось обещанием. В Кракове Ракоци нашел лишь 46 русских артиллеристов (направленных туда русским царем Петром Великим) и 7 тыс. фт. золотом — дар Петра. Начать войну с немцем, имея 46 солдат и 7 тысяч флоринов, было смелым решением. Но Ракоци знал, что его ждут, знал, что венгерский народ хочет и умеет сражаться за свободу». В статье утверждалось, что Ракоци вместе с 46 русскими артиллеристами перешел Верецкий перевал, после чего предполагалось заночевать «в уединенном стоящем доме, в “Красной корчме”». Но не только народу было известно, что приближается освободитель, знал это и немец. “Красную корчму” около полуночи окружили немцы в тяжелых доспехах. Русские артиллеристы храбро бились, но им пришлось сражаться с многократно превосходящими силами противника. Уже последний русский истекал кровью, получив множественные ранения», когда Ракоци удалось бежать с места сражения. Долго бродил он по лесу в одиночестве, пока не встретил бойцов Тамаша Эсе*, а потом и его самого — и тогда началась освободительная борьба.

В вымысле о той помощи, которую Россия оказала освободительной борьбе во главе с Ракоци, Иллеш задействовал вполне реальных исторических лиц: Ференца II Ракоци и царя Петра I. Как следует из содержания процитированной выше передачи «Радио им. Кошута» и статей в *Igaz Szó*, для венгерской коммунистической пропаганды 1940-х годов в СССР это были выдающиеся исторические деяте-

* Тамаш Эсе (1666–1708) — бригадир куруцев, родом из крепостных крестьян, один из инициаторов крестьянского восстания на северо-востоке Венгрии, переросшего в антигабсбургскую Освободительную войну 1703–1711 гг. (Прим. перев.)

ли, а царь Петр I, кроме того, входил в состав советского сталинского пантеона⁵. Предъявление этих фигур общественности служило для того, чтобы придать вымыслу убедительность. В тех же целях был сочинен сюжет, как Ракоци, невзирая на неблагоприятные обстоятельства, всё же решил отправиться в Венгрию и начать освободительную борьбу, так как знал, что там его ждут повстанцы. Этот эпизод созвучен следующему отрывку из мемуаров Ракоци: «Я прекрасно осознавал, что воодушевление народа не может длиться долго, и после того, как стихнет первое пламя, второе уже не будет иметь такой силы. Я подумал, что народ, восставший в надежде на мою помощь, хотя и поступил безрассудно, но если будет разгромлен, общественное мнение обвинит меня: почему я его оставил?»⁶.

Утверждение, содержащееся в статье, будто Ракоци вступил на территорию Венгрии через Верецкий перевал, соответствует данным многих исторических научных работ⁷. Описания, представляющие русских артиллеристов, однако, прямо противоречат не только мемуарам Ракоци и другим источникам начального этапа освободительной борьбы, но и научным трудам историков, использовавших эти источники⁸, что могло облегчить разоблачение этой фикции. Иллеш представил свой вымысел таким образом (все артиллеристы погибли, защищая Ракоци) не просто из-за того, что хотел подчеркнуть готовность русских жертвовать собой в интересах венгерской свободы и тем самым популяризировать русских и советских солдат, но и потому, что не мог не понимать: если бы он описал, как эти артиллеристы принимали участие в развернувшейся освободительной борьбе, знакомые с историей читатели могли бы заметить, что никогда ранее не встречали подобной информации, а это, в свою очередь, могло бы повлечь за собой разоблачение фикции и снижение доверия к распространяющей такие сведения пропаганде⁹. В интерпретации Иллеша роль этой небольшой группы солдат была чрезвычайно важной: если бы они не защитили Ракоци, даже ценой собственной жизни, то «немцы» схватили бы его, после чего, вероятно, и освободительная борьба не началась бы. Приведенный автором, но не соответствующий действительности исторический эпизод об обещанной, но не оказанной значительной помощи поляков был вполне пригоден для того, чтобы читатели по достоинству оценили подарок Петра I: царь каким-то образом всё же поддержал освободительную борьбу Ракоци.

Вариант своего вымысла, увидевшего свет в газете *Igaz Szó*, Бела Иллеш опубликовал в статье «Пастушеские костры на вершинах Карпат», вышедшей в номере газеты *Magyar Újság* («Венгерская газета») от 26 сентября 1944 г., которую он в качестве ответственного редактора выпускал для военнопленных и венгерских солдат, сражавшихся против Красной армии, а также для населения Венгрии¹⁰. Фикция 1944 г. получила дальнейшее развитие в начале следующего года в статье Б. Иллеша «Ракоци и русские», состоявшей из пяти частей. Она была опубликована 6 февраля 1945 г. в газете советской армии в Венгрии — *Új Szó* («Новое слово»), главным редактором которой был тот же Иллеш¹¹. Текст начинается с критики венгерских историков, выступавших в духе самых разных политических идей¹²: «Официальная венгерская историческая наука последовательно замалчивала тот факт, что Ференц Ракоци с 1703 по 1711 г. поддерживал постоянные контакты с русским царем Петром Великим (Петром I) и что русские систематически оказывали Ракоци помощь артиллерией, офицерами,

а временами и деньгами. Венгерские историки, стоящие на службе габсбургского империализма, разумеется, замалчивали то, что *Петр Великий поддерживал венгерскую освободительную борьбу*. Поэтому было бы обоснованным, чтобы историки, желающие защитить венгерский народ от роли наймита, а затем и жертвы немцев, во всей полноте осветили отношения русских и Ракоци¹³. В отличие от утверждений, содержащихся в статьях 1944 г., Петр I, согласно этому тексту, оказал поддержку борьбе Ракоци не только одновременно, в 1703 г., но и позднее, в ходе освободительной борьбы. С источниками, имеющими к этому отношение, Иллеш ознакомил читателей во введении к своей работе: «Настоящая статья написана на основе лишь малой толики документов того времени, на основе писем Ракоци к Петру Великому и дневников русского офицера-артиллериста Егора Морозова, дошедших до нас фрагментарно. (Морозов по поручению Петра Великого неоднократно приезжал с посольством к Ракоци.) Эти важные документы находятся в Ленинграде, в Военно-историческом музее». В реальности описанных Белой Иллешем, но на самом деле выдуманных документов (а также изображенных на их основе событий) должно было убедить читателя не только то обстоятельство, что автор статьи давал ссылку на место нахождения этих «источников», но и критика, прозвучавшая в адрес венгерских историков. Выходило: общественность ничего не знала об этих аспектах отношений Ференца II Ракоци и Петра I, потому что никто из историков, придерживающихся самых разных политических взглядов, не работал с этими источниками и не предъявил их читателю. Последнее однозначно указывает на актуально-политическое значение этой исторической темы.

Далее Иллеш излагал и цитировал «письма» Ракоци Петру I, первое из которых, по утверждению автора, было написано «в 1703 г., непосредственно после бегства [Ракоци. — Ч.Ж.] из Винер-Нойштадта». В этом письме Ракоци «информировал царя о том, что “все народы Благородного Королевства Венгрия” готовы взять в руки оружие против главного врага свободы народов, против германского императора», а также просил у царя помощи — денег, оружия, офицеров — и разъяснял, что «опасность, которая грозит Венгрии окончательной гибелью, после уничтожения страны станет угрозой и для остальных народов Восточной Европы, так как “голод немца неутолим”. По мнению Ракоци, срыв захватнических планов немцев на востоке соответствует общим интересам русского и венгерского народа». Иллеш утверждал: Ракоци в последующих письмах благодарил царя за помощь. Однако при этом намекал: оказанная поддержка ценна, но недостаточна. Далее в статье, опубликованной в газете *Új Szó*, говорится, что Ракоци «в 1706 г. написал письмо, в котором вновь подробно изложил свою политическую программу. Он призывал к скорейшему объединению народов Восточной Европы и развивал мысль: *Венгрия призвана быть западным форпостом восточноевропейских народов, защищающих свою свободу от немецких завоевателей*».

В этой части статьи следует обратить внимание на то место, где — по Иллешу — Ракоци уже непосредственно после бегства обращается за помощью к Петру I. Этот момент, вероятно, должен был дать почувствовать читателю важность отношений с Россией. Как и в сочинениях 1944 г., в статье, опубликованной на страницах *Új Szó*, важным мотивом является антигерманская составляющая, но

в данном случае обнаруживается весьма своеобразное отличие. В «письме» 1703 г. Ракоци указывал на «германского императора» как на «главного врага свободы народов», который в этом контексте являлся также врагом собственных подданных. Тем самым — подобно другим проявлениям направленной на венгров советской пропаганды периода Второй мировой войны¹⁴ — Иллеш однозначно давал понять: истинным врагом является правитель (а также «господствующий класс», группа руководителей), но не угнетаемый ими народ, которого используют в завоевательных войнах. Таким образом, «все народы Венгерского королевства» объединяются в борьбе против монарха-завоевателя. Тем самым автор статьи, исключая всякую двусмысленность, указывал на «прогрессивный» характер освободительной борьбы во главе с Ракоци — угнетенные народы сражаются сообща (без национальных различий!) против правителя-угнетателя.

В представленном Иллешем «письме Ракоци» 1706 г. стоит обратить внимание на то, что там — как и в передаче на «Радио им. Кошута» 28 марта 1943 г.¹⁵ — предлагалось объединение восточноевропейских народов в борьбе против немцев, а Венгрии предназначалась роль своеобразного бастиона, но с функцией, прямо противоположной той, которая ей ранее неоднократно отводилась, в том числе в антибольшевистских заявлениях политиков периода Второй мировой войны или в пропаганде¹⁶. Согласно новой концепции, Венгрия являлась бастионом не вообще Запада и не германского мира, обеспечивающим защиту с Востока, но бастионом Востока против Запада, конкретнее, против немецких захватчиков. В глазах тех, кто внимательно изучал освободительную борьбу во главе с Ракоци, данная деталь вымысла могла даже показаться убедительной, потому что еще Шандор Марки в книге «Союз царя Петра Великого и Ференца II Ракоци в 1707 г.» (1913) приводил документы, где вождь венгерской освободительной борьбы, обращаясь к царю, высказывал соображения, созвучные мыслям, сформулированным в письмах, «процитированных» в статье Иллеша. В 1707 г. князь отправил к Петру I Шандора Недечки, и данные ему подробные инструкции включали в себя план того, как русскому царю повернуть «оружие против Австрии, которая всегда будет ему неверна, в чем он сможет убедиться и на сей раз. После победы пусть даст Венгрии нового короля, и она, как никакая другая страна, окажет ему большую помощь в основании восточной империи»¹⁷.

В третьей части статьи из газеты *Új Szó* Иллеш вновь изложил фигурировавшую в его работах 1944 г. историю об обещанной, но так и не полученной от поляков помощи, артиллеристах (упомянув, что — теперь уже офицеров — было 46) и золоте Петра I, прибытии Ракоци в Венгрию и бое между русскими и немцами. По сравнению с двумя предыдущими статьями размер помощи поляков — для придания, по-видимому, весомости относительно скромной «поддержке» русских в 1703 г. — автор увеличил здесь до максимума: «Польский король пообещал ему всё. Ракоци полагал, что в Кракове его ожидает огромная сумма денег и большая польская армия, необходимая для начала венгерского похода». В статье также говорилось, что «российские артиллеристы все до одного погибли в бою, защищая венгерскую свободу». По тексту, Ракоци удалось спастись от нападавших, часами он блуждал по лесу, пока не встретил Тамаша Эсе. По поводу этой встречи Иллеш утверждал: «Русский офицер-артиллерист описывает этот эпизод драматически».

Этим высказыванием в отличие от двух предыдущих работ автор внес важное изменение в свой вымысел: указал на источник — «дневник» никогда не существовавшего офицера-артиллериста. Данное описание вызывает вопросы не только потому, что противоречит другим свидетельствам, освещающим возвращение князя в Венгрию («Мемуарам» и «Исповеди» Ракоци), а также научным трудам, в которых данные события рассматриваются в контексте соответствующих документов, но и из-за того, что само иллешевское изложение весьма противоречиво. Согласно утверждениям Иллеша, дневник написан офицером-артиллеристом Морозовым, но автор статьи также заявляет, что Ракоци перешел Карпаты с 46 офицерами-артиллеристами, каковые все до единого погибли в бою с немцами, т. е. должен был погибнуть и автор дневника. Статья не дает ответа на вопрос: Ракоци и Морозов спаслись от нападавших вместе или же плутали по лесу порознь и по отдельности встретились с Тамашем Эсе? Представляется маловероятным, чтобы русский офицер оказался в лагере Эсе еще до прибытия Ракоци и таким образом стал бы свидетелем их встречи.

В следующей части своей статьи 1945 г. Иллеш излагал и цитировал «записи из дневника» Морозова. Судя по тексту, этот офицер-артиллерист с большим удовлетворением констатировал, что Ракоци не делает различий между своими венгероязычными и невенгероязычными солдатами, а бойцов из крепостных ценит не ниже, чем воинов дворянского происхождения. Автор дневника в то же время дает понять, что сражающиеся в армии куруцев венгерские господа ненавидят немцев меньше, чем крепостных воинов — борцов за свободу: немцы ведь посягают «лишь» на независимость Венгрии, а босяки-пехотинцы положили глаз на земли венгерских помещиков. Морозов расценил, что между бойцами-крепостными разных национальностей царило согласие и это повышало боеспособность армии, но никак не могло понравиться венгерским генералам, которые, используя методы немцев, старались стравить друг с другом малые народы, чтобы господствовать над ними. Согласно статье, «Морозов принял политический замысел Ракоци и рассматривал Венгрию как форпост (защищающихся против немецкой агрессии) народов Восточной Европы», но в то же время считал, что венгерские помещики, за исключением Берчени, эту концепцию не совсем понимают, да их и не особенно интересуют политические представления вождя освободительной борьбы. Автор дневника писал о Ракоци, что тот «“на голову выше” своих генералов и политиков. Видит много дальше них и несравнимо более бескорыстен». По мнению Морозова, среди куруцев не было руководителей, кто мог бы сравниться с князем, притом, что с ним и с несколькими вождями примерно такого же калибра, «с десятком маленьких Ракоци», можно было бы вытеснить немцев из Венгрии.

В конце этой части статьи Иллеш излагал и цитировал общую оценку Морозовым венгерских помещиков: «В 1712 г. Морозов писал, что Ракоци был побежден не немцем, а политической близорукостью и безграничным эгоизмом венгерских господ. “Если венгры не найдут лучших и более бескорыстных руководителей, то немец сожрет Венгрию с потрохами”. Этим предсказанием заканчивается дневник Морозова». Здесь вымышленный документ явно должен был продемонстрировать читателю: в начале XVIII в. не венгерские помещики, развивавшие деятельность при войсках куруцев, а именно посланец и представитель

России, поддержавшей венгерскую освободительную борьбу, понял и правильно оценил «прогрессивные» внутривнутриполитические и внешнеполитические взгляды, устремления Ракоци (последние — вместе с Берчени). Политической близорукости и эгоизму венгерских господ Морозов противопоставлял бескорыстие Ракоци и его способность к стратегическому мышлению в политике, что позволяло читателю почувствовать разницу между качествами военно-политической элиты куруцев и дарованиями выдающегося лидера освободительной борьбы.

Стоит обратить внимание на то, что Иллеш, публикуя различные варианты своего вымысла — по всей вероятности, в зависимости от актуальных аспектов нацеленной на венгров советской пропаганды¹⁸, — всё увеличивал меру ответственности «венгерских господ» за поражение освободительной борьбы под предводительством Ракоци. В апреле 1944 г. в газете *Igaz Szó* он писал лишь следующее: «Ракоци был побежден немцами и — предательством»¹⁹, в сентябре в статье, опубликованной в *Magyar Újság*, указал на предателей: «помещики продали Ракоци» немцу²⁰, а в начале 1945 г. — пусть и не в качестве собственного мнения, а как бы знакомя читателя с позицией (никогда в действительности не существовавшего) автора дневника, — уже утверждал: не немцы положили конец освободительной борьбе, в основе поражения была неправильная политика венгерских помещиков. В этом месте предъявление придуманной фигуры, изложение ее позиции потребовалось, по всей вероятности, отчасти и потому, что Иллеш полагал: автору XX в. в статье на историческую тему было бы нецелесообразно обнародовать мнение, которое серьезно противоречило бы историческим исследованиям, посвященным причинам неудачи освободительной борьбы. Ведь в этом случае достоверность представленной картины, а вместе с тем и действенность всей пропаганды могла уменьшиться. А отчасти, вероятно, и потому, что предсказание, которым завершается дневник вымышленного персонажа, Иллеш в начале 1945 г. хотел адресовать венгерскому читателю своего времени как своеобразное предупреждение. Однако, представив это предсказание как мнение русского офицера, «правильно» оценивавшего различные моменты освободительной борьбы во главе с Ракоци, автор давал понять целевой аудитории, что как в XVIII в., так и в годы Второй мировой войны интересы венгров правильно понимают именно высшие руководители России и соответственно СССР (эти взгляды получили отражение на страницах *Új Szó*), и тем самым стремился повысить эффект от распространения своих идей.

В глазах тех, кто был знаком с научными исследованиями по истории освободительной борьбы, фиктивные элементы, изложенные в этой части статьи, обретали некоторую убедительность в силу того, что оценки личности и деятельности Ракоци, данные многими профессиональными историками, во многом совпадали с высказываниями Морозова. Так, например, в книге Арпада Марко «Ференц II Ракоци 1676–1735», изданной в 1935 г., содержится следующая констатация об отношении лидера освободительной борьбы к сражавшимся в его армии солдатам разной национальной принадлежности: «Национальный вопрос в своей армии Ракоци тоже решил идеально, так как никогда не делал различий между теми, кто со знанием дела, с одинаковым воодушевлением и преданностью служил делу нации»²¹. В четвертом томе «Венгерской истории» (1943) Дюла Секфю оценивал личность и лидерские качества Ракоци следующим образом:

«Решения не выпускал, да и не мог выпустить из своих рук, ведь он единственный умел учитывать все материальные и духовные ресурсы венгерского восстания [...] Бескорыстие Ракоци вытекало не из скуки, которой подвержены очень богатые люди, а было качеством, проросшим из самых сокровенных тканей его души [...] Ференц Ракоци не мог уже и представить большего оскорбления, как если бы было затронуто его полное и абсолютное бескорыстие в материальных и политических делах»²². Правдоподобие вымысла в этой части усиливалось тем, что Иллеш представил здесь Берчени как человека, воспринявшего концепцию Ракоци, касающуюся Восточной Европы, а это, в свою очередь, соответствовало в том числе и утверждению Дюлы Секфю в вышеупомянутой работе: «Связи с русскими поддерживал вообще-то Берчени, который с самого начала с презрением относился к надеждам, возложенным на французов, и скорее ждал многого — и даже всего — от турок, а позднее от русских»²³.

В последней и по сравнению с предыдущими наиболее краткой части статьи в газете *Új Szó* предметом рассмотрения Иллеша — по всей видимости, в качестве антитезы эгоизму, исторической и политической близорукости «венгерских господ» — вновь стал вопрос поддержки, оказанной царем Петром I освободительной борьбе во главе с Ракоци: «На основании одной учетной ведомости (также хранящейся в Ленинграде) можно определить, что Петр Великий в 1703–1710 гг. девятнадцать раз посылал Ракоци артиллеристов и два раза пушки. В ведомости, однако, не указано число отправленных офицеров и количество пушек»²⁴. Вымышленный документ и на этот раз понадобился явно для того, чтобы содержащаяся в нем информация о помощи Петра I выглядела достоверной²⁵.

В отличие от статей 1944 г., где большое внимание уделялось актуальной проблеме борьбы с немцами, этот текст — на что указывал уже сам заголовок: «Ракоци и русские» — был посвящен российским связям венгерской освободительной борьбы XVIII в. При этом по сравнению с вышеуказанными работами здесь сообщалось о значительно более существенной помощи царя. Ради того, чтобы эффектно подать эти связи, Иллеш писал о документах, которые в действительности никогда не существовали, и даже цитировал их, что, несомненно, должно было придать убедительности вымышленным лицам и событиям. В сконструированной таким образом фикции автору статьи удалось представить масштабную антинемецкую внешнеполитическую концепцию Ракоци, различные эпизоды российской помощи, а также — излагая и цитируя мнение никогда не существовавшего Морозова — признание россиянами заслуг Ракоци и критику венгерской военной и политической элиты. Вероятно, в первую очередь это было необходимо для предвосхищения в прошлом исторической легитимации «советско-венгерских добрых отношений», ставших актуальными в 1945 г., и чтобы подчеркнуть ответственность политической элиты хортистской эпохи за поражение во Второй мировой войне.

Повествуя о русских офицерах, действовавших в интересах венгерской освободительной борьбы, Иллеш, по всей видимости, стремился добавить популярности солдатам Красной армии среди населения побежденной ими и страдающей от их притеснений Венгрии²⁶. Вымысел мог показаться правдоподобным из-за того, что в нем были задействованы реальные исторические персонажи: Петр I, Ференц II Ракоци (связи между ними и вправду существовали),

Тамаш Эсе. В то же время именно использование этих фигур помогло разоблачить фикцию. Ведь как раз в силу их исторической значимости имеется много источников и, следовательно, солидное количество научных исследований об их личности и деятельности, а сведения из вымышленных документов часто противоречат этим работам. (Эту проблему, однако, явно не решило то, что Иллеш, наверное, ради придания убедительности своим выдумкам, попытался в начале статьи дискредитировать историческую литературу по освободительной борьбе во главе с Ракоци.)

По сравнению с работой Бела Иллеша 1945 г. значительно решительнее указал на актуально-политические аспекты изображения контактов Ференца II Ракоци и Петра I журналист Аурел Карпати (1884–1963) в статье «День рождения Ракоци», опубликованной в газете *Új Szó* 27 марта 1945 г.²⁷ Автор статьи утверждал: «Ракоцианские традиции в наши дни являются более живой и более актуальной ценностью для венгров, чем когда бы то ни было». Далее он заявлял: «Великославянская помощь в нынешней освободительной борьбе венгров против Германии — такой же повторяющийся мотив, как и во времена освободительной борьбы во главе с Ракоци». В связи с этим Карпати использовал в своей статье различные элементы вымысла Б. Иллеша и даже развил их, когда писал о личности Морозова, характеризуя того как «бравого русского офицера-артиллериста». В конце работы автор снова подчеркнул актуальность рассмотрения связей XVIII в.: «Сегодня, когда Красная армия Советского Союза принесла венграм освобождение от немецко-фашистской тирании, об этом не помешает напомнить венграм в год 269-летия со дня рождения Ракоци».

Карпати, таким образом, расценивал различные вымыслы на тему истории XVIII в. как некую предпосылку для «добрых советско-венгерских отношений» XX в., так же как и Бела Иллеш и Бела Фогараши, которые в предисловии от 20 октября 1945 г. к сборнику «Венгерско-русские исторические связи» (изданному Венгерско-советским обществом культуры и содержащему статьи по этой тематике, в том числе работу главного редактора *Új Szó* «Ракоци и русские»²⁸), однозначно занимались созданием системы традиций «советско-венгерской дружбы», заявляя в начале своей работы: «Статьи, объединенные нами в эту брошюру, говорят о прошлом, но обращаются к настоящему».

О чем говорится в этих статьях? Среди прочего «о том, что дружеские связи русского народа и венгерского народа, Советского Союза и самостоятельной, демократической Венгрии, имеют свои *исторические традиции*»²⁹. В то же время Иллеш и Фогараши, развивая мысли, изложенные в более ранних работах³⁰, сочли необходимым указать на то, почему эти традиции неизвестны широкой публике в Венгрии: «Эти традиции, однако, были забыты. Господствующие классы Венгрии, приспешники германского империализма, тщательно скрывали от венгерского народа русско-венгерские исторические связи, замалчивали их или же представляли в абсолютно ложном свете. А у борцов за венгерскую демократию и прогресс не было возможности узнать позицию русской демократии по венгерскому вопросу. Поэтому они не могли разоблачить ложь и фальсификации прогерманской антироссийской пропаганды». Но в отличие от работы Фогараши 1943 г.³¹ и статьи Иллеша 1945 г.³² в предисловии к сборнику авторы подвергли критике не представителей различных исторических школ, а непосредственно

деятельность политических сил, давая, между прочим, объяснение и тому, почему в этой сфере не могли добиться успеха представители политических — и не только историографических — направлений, наиболее заинтересованных в том, чтобы позитивные моменты венгеро-русских связей стали достоянием общности. С учетом этого авторы сформулировали значение сотворения актуальных традиций так: «Сегодня, когда Венгрия порвала с проклятой германской ориентацией, когда с помощью Красной армии вновь обрела национальную свободу, важно как никогда, чтобы идея искренней дружбы с СССР опиралась на исторический фундамент, на правильное понимание прошлого. Именно поэтому стряхиваем мы пыль забвения с древних памятников венгеро-русских связей, именно поэтому делаем достоянием венгерского читателя неизвестные ему ранее факты, документы, цитаты [!].»

Изучение венгерско-русских исторических связей открывает новую главу в венгерской духовной жизни. Наше глубочайшее убеждение, что эти исследования могут принести неоценимую пользу делу демократической венгерской культуры»³³. Вымысел о русских связях Ракоци, а также текст Иллеша, в котором излагается этот вымысел (автор в отличие от Аурела Карпати, опубликовавшего статью «День рождения Ракоци», не дал в своей работе объяснения, какую конкретно актуально-политическую цель он преследовал своей статьей), в контексте сборника получили своеобразную каноническую трактовку³⁴, которая и в последующие десятилетия оставалась определяющей. Именно тогда эта фикция стала исторической предпосылкой «советско-венгерской дружбы» XX в., традицией, предвосхитившей и легитимировавшей эти связи. Этому вымыслу в книге придавало правдоподобие не только предисловие, где осуждалось манипулирование историей со стороны обанкротившихся господствующих политических групп и, напротив, подчеркивалась несомненная истинность новых данных, приведенных Иллешем и Фогараша, но и то, что абсолютно нереальные фигуры (Морозов, вставшие на защиту Ракоци офицеры-артиллеристы) и фиктивные источники (письма Ракоци, дневники Морозова) фигурировали вперемежку с реальными историческими лицами (с Петром I, Ференцем II Ракоци, Тамашем Эсе, а в этом сборнике, напр., и с А.И. Герценом) и настоящими документами (например, мемуарами Герцена).

Таким образом, этот вымысел Б. Иллеша стал специфическим развитием одной из главных венгерских исторических традиций, использованных в анти-немецкой пропаганде периода Второй мировой войны венгерскими коммунистами в СССР, а именно — традиции освободительной борьбы во главе с Ракоци. Автор, опираясь на нее, стремился популяризировать русских, а изображая артиллеристов, при защите Ракоци пожертвовавших жизнью ради венгерской свободы, — главным образом солдат, пытаясь при этом доказать населению проигравшей в войне Венгрии, подверженному в предыдущие десятилетия массовой антисоветской пропаганде³⁵ и страдающему от притеснений армии советских «освободителей», что русские уже и раньше оказывали поддержку венгерским освободительным движениям. Иллеш стремился при помощи фиктивной исторической аналогии обосновать формирующиеся «советско-венгерские дружеские связи»³⁶.

Историческим традициям «советско-венгерской дружбы» была посвящена работа Э. Ептицына, напечатанная 15 марта 1947 г. в юбилейном номере газеты

Új Szó по случаю 99-летия венгерской революции 1848 г. Автор уже в самом начале статьи четко сформулировал вопрос и сам же ответил на него: «В эти наполненные борьбой дни юной венгерской демократии, когда дружба СССР и самостоятельной, демократической Венгрии приобретает всё большую глубину и широту, с полным основанием возникает вопрос: идет ли речь лишь о конъюнктурной дружбе или о дружбе, основанной на исторических традициях? История дает ответ: эта дружба имеет свои *традиции, корни которой уходят в глубь веков*». В доказательство Ептицын приводил множество примеров, начиная со Средних веков вплоть до XX в., констатируя при этом: русско-венгерская «дружба с особой силой проявилась в период освободительной борьбы под предводительством Ракоци». Автор проиллюстрировал это, используя статью Б. Иллеша 1945 г., причем не только рассказал о событиях, которых никогда не было, но и привел отрывки из работы Иллеша. В статье Ептицына также осуждались историки, замалчивавшие связи руководителя венгерской освободительной борьбы и русских, рассматривались «Записки» Морозова и помощь со стороны России, излагалась внешнеполитическая концепция Ракоци, а также — в связи с акцентированием исторического значения Петра I — по сравнению с рассмотренными выше текстами несколько видоизменялась, получая дальнейшее развитие, сама фиктивная история: «Великий строитель государства, Петр Великий в целом осознал значение освободительной борьбы во главе с Ракоци *и самостоятельной, независимой Венгрии* и разделял мнение Ракоци, что Венгрия призвана быть западным форпостом восточноевропейских народов, защищающих свою свободу от немецких завоевателей»³⁷. Та сюжетная линия, что великий царь полностью разделял концепцию Ракоци о союзе восточноевропейских народов в борьбе против немецких захватчиков и поддержал венгерскую освободительную борьбу, в данной статье может считаться доказательством исторически добрососедских отношений русского и венгерского народов. Эта выдумка и в данном случае служила исторической легитимации «советско-венгерской дружбы» XX в. Фикция начинала походить на правду не только благодаря тому, что Ептицын осуждал историков, замалчивавших добрые русско-венгерские отношения, а вымысел соседствовал в статье с реальными историческими лицами и событиями, но и благодаря русскому имени автора, которое давало понять: наряду с «зарубежными» (здесь: венгерскими) авторами представитель национальной (здесь: советской) историографии тоже считает приведенные в тексте события действительно произошедшими, упоминаемых в ней лиц реальными, а изложенные или процитированные здесь документы подлинными.

Вымысел о связях Ракоци и русских Б. Иллеш не только изложил в вышеупомянутых статьях, но и встроил в свой роман «Завоевание родины», посвященный борьбе советских и венгерских войск в годы Второй мировой войны. В первой части этого произведения, впервые опубликованной в 1952 г., капитан Красной армии Янош Тулипан, венгр по происхождению, беседует с одним из венгерских военнопленных, Дюлой Пастором. Вот как об этом пишет Иллеш: «*Капитан Тулипан* не любил говорить о будущем, не в его обычае было заниматься предсказаниями, он лишь то тут, то там обронит пару слов о том, какой будет жизнь, когда Красная армия освободит Венгрию и венгр вновь сможет стать венгром. Если военнопленные сильно досаждали ему своими расспросами о том, что будет, на что

можно надеяться, он тогда рассказывал, что происходило во времена наших отцов, дедов, прадедов. Другой раз он углублялся в далекое прошлое, но лишь затем, чтобы его слушатели задумались не просто о завтрашнем дне, но и о более далеком будущем. Однажды именно Пастор поинтересовался, как русские представляют себе будущее венгерского народа. И тут Тулипан рассказал, что когда Ференц Ракоци сражался за родину и за свободу, русский царь Петр Великий, желая помочь куруцам, прислал пушки и обученных артиллеристов»³⁸. Несмотря на то, что фикция о Ракоци и Петре I в данном случае фигурирует в романе, т. е. в фикции, более ранние статьи писателя, участвовавшего во время Второй мировой войны в пропагандистской деятельности Красной армии, и ситуация, изложенная в процитированном отрывке из «Завоевания родины», были пригодны для того, чтобы исторический вымысел о XVIII в. даже в этом произведении начал походить на правду³⁹. В то же время нарисованная Иллешем картина обнажает сиюминутно-политические коннотации исторической фикции, поскольку офицер Красной армии в своем рассказе обращается к прошлому как к предтече советско-венгерских отношений в будущем, а если смотреть из 1952 г., то как к будущей традиции. Тем самым писатель специфическим образом, по сути, открывает читателю мотивы и цели своего (не только художественного) изображения истории⁴⁰.

ВЫМЫСЕЛ В ИСТОРИЧЕСКИХ НАУЧНЫХ ТРУДАХ: ПРИМЕНЕНИЕ И ОПРОВЕРЖЕНИЕ...

Во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. вымысел о российской поддержке освободительной борьбы во главе с Ракоци стал частью не одной научной работы⁴¹. Например, фикцию сочли несомненным фактом составители учебника «История для III класса средних школ» (1949). На вопрос, заданный в начале раздела «Внешняя политика освободительной борьбы»: «На какие иностранные державы опирался Ракоци в своей национально-освободительной борьбе?», читатель получал ответ, изложенный в двух пунктах: «1. На *Людовика XIV* в том смысле, что он был самым непосредственным врагом Габсбургов, и поэтому поддержка антигабсбургской освободительной борьбы в наибольшей степени соответствовала его интересам. Людвик XIV оказывал Ракоци ежемесячную финансовую поддержку, а также снабжал его оружием. Однако помощь французов была довольно-таки нерегулярной и незначительной. Людвик XIV в действительности использовал Ракоци как средство для достижения собственных политических целей. 2. Начиная с 1703 г. Ракоци поддерживал постоянные контакты с *Петром Великим*, который тоже помогал ему деньгами и военными кадрами»⁴². В основе приведенных в этой работе сведений о российской помощи также лежат фиктивные данные из статьи Б. Иллеша 1945 г. Сообщается, что в начале Освободительной войны царь отправил Ракоци 7 тыс. гильденов и 46 русских офицеров-артиллеристов, а в период 1703—1710 гг. 19 раз посылал офицеров-артиллеристов и 2 раза пушки.

В этом разделе учебника рассматриваются внешнеполитические взгляды лидера освободительной борьбы и в соответствии с концепцией работы подчеркива-

ется значение борьбы против «немецкой колонизации»⁴³. При освещении позиции Ракоци в учебнике неоднократно в качестве собственных слов политика подаются те высказывания, которые в 1945 г. Б. Иллеш как автор статьи лишь «пересказывал». Вымысел тем самым получил дальнейшее развитие. Если в статье говорится: «По мнению Ракоци, срыв захватнических планов немцев на востоке соответствует общим интересам русского и венгерского народа»⁴⁴, то в учебнике это место фигурирует уже в следующем виде: «По мнению Ракоци, “срыв захватнических планов немцев на востоке соответствует общим интересам русского и венгерского народа”»⁴⁵. Приводя эту четко сформулированную мысль в качестве собственных слов лидера освободительной борьбы, можно было наглядно продемонстрировать превосходное умение Ракоци оценивать ситуацию и подтвердить мнение, высказанное в учебнике сразу же после приведенной цитаты и выделенное курсивом: «*Ракоци и в этом вопросе был на голову выше своих современников и историческим чутьем угадал способ предотвращения немецкой экспансии*».

Далее это же должны были подтвердить и выдержки из также фиктивного дневника Морозова: «Как писал курьер Петра Великого, по делам службы несколько раз побывавший у Ракоци, тот “чрезмерно превосходил” своих генералов и политиков»; вслед за чем в тексте приводились высказывания вымышленного лица, «процитированные» в статье Б. Иллеша 1945 г., которые поясняли и развивали вышеизложенное. По сравнению с французско-венгерскими связями и с «довольно-таки нерегулярной и незначительной» поддержкой со стороны французов, русско-венгерские связи и российская помощь представлены в учебнике как несопоставимо более существенные. Доказательством этого служит не только критическая оценка деятельности Людовика XIV, но и следующее: если объем п. 1 составляет 6,5 строк, то п. 2 — ок. 27 строк, т. е. последний примерно в 4 раза длиннее предыдущего, а это соответствовало и пропаганде «советско-венгерской дружбы», даже если составители учебника явно и не изображали события XVIII в. как предвосхищение отношений XX в.

Вымыслу в данном случае могли придать убедительность не только ссылка на совершенно неправдоподобные документы и изображение реальных исторических лиц, между которыми действительно имелась связь, а также схожесть представленных в п. 1, 2 событий (согласно учебнику, оба монарха поддерживали венгерскую освободительную борьбу деньгами и оружием; на близость этих моментов указывает и слово «тоже» при освещении деятельности Петра I), но и то, в каком издании это было опубликовано. Ведь школьный учебник по истории также должен был внушать читателям мысль, что ученикам в данном случае сообщается лишь тщательно проверенная информация.

В отличие от учебника в лекции «Наши движения за независимость против Габсбургов в XVII веке. Освободительная борьба под предводительством Ракоци», прочитанной 22 марта 1951 г. в Высшей партийной школе Венгерской партии трудящихся (ВПП), Жигмонд Пал Пах (1919–2001), используя однозначные формулировки, причислил российские связи периода освободительной борьбы во главе с Ракоци к традициям «советско-венгерской дружбы». Заголовок той части лекции, в которой среди прочего рассматривается и эта тема — «Внешняя политика, русско-венгерские связи», указывает на важность этих отношений уже и тем, что из различных сюжетов, касающихся дипломатии освободительной

борьбы, Пах выделяет лишь один. Предназначением вводной части, предшествующей освещению исторических событий, было создание актуальной политической традиции за счет того, что связи Петра I и Ференца II Ракоци причислялись здесь к «прогрессивным традициям», важность которых подчеркивали и ведущие политики того времени — Матяш Ракоши, Йозеф Реваи.

«Надо особо выделить *прогрессивные традиции внешней политики* [Ракоци]. “*Эти традиции гласят, что наша родина была сильной, уважаемой и независимой именно тогда, когда связывала свою судьбу с международным прогрессом*”, — указывал товарищ Ракоши»⁴⁶. Созданию традиции служила и отсылка к источнику в сноске внизу страницы, а именно к сборнику «На пути строительства социализма»⁴⁷, составленному по материалам II съезда ВПТ, прошедшего в феврале-марте 1952 г. Таким образом, на значение конкретного исторического момента, а также на то, что события XVIII в. следует рассматривать в качестве традиции определенного рода, руководствуясь при этом оценкой, данной политическим лидером, должно было указать не профессиональное мнение ученого, дистанцировавшегося от актуально-политических соображений, а отрывок из речи ведущего политика того времени, прозвучавшей на политическом мероприятии.

Работая над созданием традиции актуально-политической направленности, Пах противопоставлял «западным» (французско-венгерским, негативным) связям «восточные» (русско-венгерские, позитивные) связи, а при рассмотрении последних использовал не только фиктивные, но и настоящие исторические источники и описывал не только вымышленные Б. Иллешем, но и реально имевшие место события. Автор утверждал: «Имеет большое значение, что Ракоци — помимо шаткого союза с Людовиком XIV — установил и расширил дипломатические контакты с русским царем Петром Великим и правильно воспринимал необходимость объединения усилий восточноевропейских народов против западных агрессоров [!]». Освещая эти отношения на этапе до 1707 г., т. е. до заключения Варшавского договора, автор использовал различные элементы фикции Б. Иллеша и даже приводил отрывки из вымышленного письма Ракоци, снабдив их следующей ссылкой⁴⁸: «Цитируется по статье Б. Иллеша “Ракоци и русские” на основании документов, хранящихся в ленинградском Военно-историческом музее»^{*}.

Пах не просто приводил здесь данные, необходимые для идентификации работы, из которой он почерпнул цитату, как, например, в следующей сноске⁴⁹, но и сообщал читателям, откуда взял текст источника сам Иллеш. Кроме того, он дал ссылку на отрывок из труда Ш. Марки о союзе царя Петра I и Ференца II Ракоци, написанного за несколько десятилетий до статьи 1945 г., в котором приводились слова руководителя освободительной борьбы, созвучные цитате из Иллеша⁵⁰. Не исключено, что Пах проявил такую предусмотрительность потому, что — даже если он не получил убедительного опровержения этого вымысла — до него могла дойти какая-то информация об исторической недостоверности приводимых Иллешем сведений и он хотел таким образом по-научному корректно

^{*} Далее в тексте следовали выходные данные работ Б. Иллеша «Ракоци и русские» (см. сн. 11) и Ш. Марки «Союз царя Петра Великого и князя Ференца II Ракоци» (см. сн. 9).

использовать данные, почерпнутые из этой работы. Их игнорирование в то время было бы необоснованным не только с политической, но и с профессиональной точки зрения⁵¹.

В лекции Пах использовал и другие элементы вымысла, а затем начатое с изложения фикции предложение продолжил упоминанием реального исторического события: «По мнению Ракоци, срыв захватнических планов немцев на востоке соответствовал общим интересам русского и венгерского народа. Петр Великий поддерживал венгерскую освободительную борьбу деньгами, вооружением и живой силой, а в 1707 г. в Варшаве заключил союз с Ракоци». В таком освещении отдельные элементы фикции выступают как предпосылки реального исторического события — заключения союза, в деталях представляя, как Ракоци постепенно расширял дипломатические отношения с царем. Описание русско-венгерских отношений последующих лет, однако, не является вымыслом, и приведенное здесь письмо Ракоци — не фальшивка. Не имевшим место в реальности моментам и вымышленным текстам придавало убедительности не только то, что в лекции они фигурировали вперемежку с подлинными историческими событиями и источниками, но и то, что логически были связаны с ними в качестве «предпосылок» русско-венгерских отношений 1707–1711 гг. Вместе с тем и место, где была прочитана лекция, и повод, по которому она была прочитана, и издательство, в котором опубликовали текст выступления, — всё это придавало убедительность вымыслу, по крайней мере в глазах читателей, принимающих идеологию диктатуры. Ведь у них не должно было возникнуть и тени сомнения, что текст прозвучавшего в Высшей партийной школе ВПТ выступления, опубликованный партийным издательством «Сикра», может содержать непроверенную информацию.

К тому времени, однако, уже появилось мнение, ставящее под сомнение достоверность источников, цитируемых и излагаемых в статье «Ракоци и русские». Домокош Кошари (1913–2007) в томе I труда «Введение в источники и литературу по венгерской истории» (1951), в разделе, где рассматривались документы и научные исследования по внешней политике освободительной борьбы во главе с Ракоци, заявлял: «Нам до сих пор неизвестны более точные сведения о данных, упоминаемых Б. Иллешем (дневник русского офицера и др.) в статье “Ракоци и русские”»⁵². Во время ослабления ракоцистской диктатуры на круглом столе по теме «Актуальные вопросы марксистской исторической науки», организованном в рамках Кружка Петёфи (дискуссионного клуба, где интеллигенция имела возможность высказаться), тот же Кошари в выступлении 30 мая 1956 г. утверждал: «Сколько раз ко мне подходили с тем, что в учебнике для средних школ подробно изложено (это было пару лет назад, не сейчас), какую помощь оказывали Ракоци в освободительной борьбе артиллеристы и военные Петра I. Учащиеся точно знали, что ни одно из этих сведений, конечно же, не соответствует действительности»⁵³.

Вышеизложенное указывает на то, что уже на рубеже 1940–1950-х гг. (так как выступавший явно ссылался на рассмотренный выше учебник 1949 г.) даже за пределами узкого круга ученых-историков получило распространение мнение, что данные Б. Иллеша не что иное, как вымысел. Располагая результатами исследований по истории отношений Ференца II Ракоци и Петра I, Йозеф Перени (1915–1981) вследствие произошедших в Венгрии политических перемен в ссылке

к работе «Начала дипломатических связей Ференца II Ракоци и Петра I», опубликованной в сборнике «Венгерско-русские исторические связи» с предисловием, датированным июнем 1956 г., уже мог жестко критиковать всю историческую картину, представленную в статье Иллеша: «В главе “Ракоци и русские” брошюры *Белы Фогараша и Белы Иллеша* “Венгерско-русские исторические связи” (Будапешт, 1945) исторические данные сильно перемешаны с элементами беллетристики, поэтому мы не будем подробно на ней останавливаться»⁵⁴.

Вымысел, призванный исторически легитимировать, скрепить «советско-венгерскую дружбу», которой в пропаганде социалистической системы отводилась ключевая роль, с первой половины 1950-х гг. уже не фигурировал в серьезных научных трудах, хотя в работах, выходящих в Венгрии легально, в тех политических условиях нельзя было открыто указать на то, что это фальсификация⁵⁵. Таким образом, в научной статье «Легенды и запретные плоды национального прошлого», вышедшей в Мюнхене в 1982 г., Ласло Петер (1929–2008), работавший в то время в Англии, с полным правом мог написать: «Пушки, отправленные Петром Великим Ференцу Ракоци» оказалась «сказкой, которой весьма скоро пришел конец»⁵⁶.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ И СОЗДАНИЕ ТРАДИЦИЙ

История вымысла о связях Ференца II Ракоци и царя Петра I и в более широком смысле служит отличной демонстрацией того, сколько разнообразных средств может использоваться одновременно при фальсификациях с целью политической пропаганды ради придания вымыслу убедительности, ради эффективности пропагандистских акций. В их числе согласованные действия нескольких лиц (Б. Иллеша и его сотрудников), почти синхронная публикация текстов разного типа (газетные статьи, романы) и ссылки на несуществующие документы (письма Ракоци, дневники Морозова). Авторы могли размещать персонажей, являющихся порождением фантазии, среди реальных исторических лиц (изображение русских военнослужащих вместе с Петром I и Ференцем II Ракоци), вписывать фиктивные события в реальные (возвращение Ракоци на родину с помощью русских военных) или создавать вымышленные фигуры, события и документы, весьма похожие на реальных лиц, события и источники (сходство фальшивого письма Ракоци и реальных инструкций 1707 г.). Наконец, они выступали с осуждением историков, занимавшихся ранее проблематикой того исторического периода, к которому относится вымысел, за замалчивание отдельных (в данном случае даже не реальных) моментов прошлого (в начале статьи «Ракоци и русские»), или упоминали исследования, проводившиеся для получения исторических данных, важных по актуально-политическим соображениям (в предисловии к составленной Фогараша и Иллешем работе). На рубеже 1940–1950-х гг. в дело повышения убедительности вымысла внесли вклад научные исторические работы, которые представляли многие элементы фикции Б. Иллеша в качестве реальных. Текстуальное сравнение всех вариантов вымысла позволяет сделать более общий вывод о способах использования микрофилологического метода

при анализе материалов политической пропаганды и о том, как это может способствовать более четкому пониманию механизмов манипуляции.

Эти измышления — в пропагандистских переработках актуально-политической направленности — в то же время вписываются в ряд (в данном случае в самом прямом смысле слова) «придуманных традиций» XX в., поэтому слова Эрика Хобсбаума (1917–2012) о подобных традициях, несомненно, могут быть отнесены и к данному случаю, когда история используется как легитиматор действия и как цемент, скрепляющий группу. Даже революционные движения старались обосновать новые идеи и стремления ссылкой на революционные традиции, на собственных героев и мучеников⁵⁷. Статья А. Карпати, предисловие Б. Фогараша и Б. Иллеша, статья Ептицына, а также отрывок из лекции Ж.П. Паха показывают, что вымысел о связях царя Петра I и Ференца II Ракоци в XVIII в. был призван легитимировать «советско-венгерскую дружбу» XX в.⁵⁸

Перевод с венгерского Ч.Б. Желицки

¹ См.: PIL. 677. f. 5. cs. 461. ő. e. 1–2. old. См. также: Rákóczi és Kossuth // Igaz Szó. 2. évf. 20. sz. 1943.8.IV. 2. old., а также: *Klimó Á.* Nation, Konfession, Geschichte. Zur nationalen Geschichtskultur Ungarns im europäischen Kontext (1860–1948). München, 2003. S. 305–311 (Südosteuropäische Arbeiten. N 117); и общие работы: *Romsics I.* Hungary in the Twentieth Century. Вр., 2010². В период Второй мировой войны задействованные в направленной против Германии пропаганде авторы, большей частью левых взглядов, с целью использования традиций венгерских движений за независимость в качестве мобилизующей силы для актуальной борьбы систематически подменяли понятие «антигабсбургской борьбы» понятием «антинемецкой борьбы», используя в своих работах, посвященных различным историческим периодам, для обозначения врага эпитет «немец». Эта практика продолжилась и после 1945 г. См. по теме: *Glatz F.* Palatin Joseph und seine Schriften // Palatin Josephs Schriften. IV. 1809–1813 / Zgest., komment. S. Domanovszky; hrsg., eingel. F. Glatz. Вр., 1991. S. 47–48. (Quellen zur Neueren Geschichte Ungarns).

² *Fogarasi B.* A magyar és az orosz nép viszonya a múltban és a jelenben // Igaz Szó. 2. évf. 53. sz. 1943. 30.XI. 3. old. Насколько мне известно, сведения, приводимые Фогараша о связях Петра I и Ференца II Ракоци, ошибочны: царь не направлял князя Долгорукова в качестве посла к руководителю венгерской освободительной борьбы и в итоге не оказал существенной финансовой помощи трансильванскому князю. До сих пор не удалось установить, на каких источниках основаны данные утверждения автора, а значит, по этому вопросу требуются дальнейшие исследования.

³ О Беле Иллеше см., напр.: *Tezla A.* Hungarian Authors. A Bibliographical Handbook. Cambridge (Massachusetts), 1970. P. 220–224; *Klimó Á.* 'A Very Modest Man': Béla Illés, or How to Make a Career Through the Leader Cult // The Leader Cult in Communist Dictatorships. Stalin and the Eastern Bloc / Ed. by B. Apor, J. C. Behrends, P. Jones, E. A. Rees. New York, 2004. P. 47–62.

⁴ *Illés B.* Páztortűz a Verhovinán (далее — Páztortűz) // Igaz Szó. 3. évf. 17. sz. 1944.25.IV. 4. old.

⁵ См., в частности: *Perrie M.* The Tsar, the Emperor, the Leader: Ivan the Terrible, Peter the Great and Anatolii Rybakov's Stalin // Stalinism: Its Nature and Aftermath. Essays in honour of Moshe Lewin / Ed. by N. Lampert, G. T. Rittersporn. Armonk, New York, 1992. P. 86–87, 98–99.

- ⁶ См.: II. Rákóczi Ferenc fejedelem emlékiratai a magyar háborúról 1703-tól végéig (1711) / Közl. Thaly K. Pest, 1872⁵. 27. old.
- ⁷ См. в частности: *Márki S.* II. Rákóczi Ferenc. Bp., 1907. I. köt. 254., 256. old. (Magyar Történeti Életrajzok); *Markó Á.* II. Rákóczi Ferenc háborújának kezdete. (1703. június 16-tól július 15-ig.) // *Htk.* 1935. 36. évf. 3–4. sz. 214., 223. old. Образцом для фикции Б. Иллеша о нападении на Ференца II Ракоци и артиллеристов мог послужить случай, описанный в «Исповеди» Ференца II Ракоци. Однажды в 1701 г. во время поездки в Польшу Миклош Берчени подвергся нападению, при этом нападавшие хотели захватить его и выдать габсбургскому двору. Однако Берчени благодаря своему польскому слуге сумел спастись от врагов. См.: II. Rákóczi Ferenc fejedelem önéletrajza. Miskolc, 1903. 153–154. old. На возможную связь этих сюжетов обратил мое внимание Шандор Геbei, которому я здесь приношу свою благодарность за его любезность.
- ⁸ Ср., напр.: *Acsády I.* Magyarország története I. Lipót és I. József korában. (1657–1711) // *A magyar nemzet története.* Bp., 1898. VII. köt. 547–549. old.; *Márki S.* Op. cit. 251–256. old.; *Markó Á.* Op. cit. 214–221. old.; *Szekfü Gy.* Magyar történet. IV. köt. Bp., 1943⁷. 278–280. old.
- ⁹ В некоторой степени повышению убедительности вымысла мог способствовать тот факт, что связи между Петром I и Ференцем II Ракоци действительно имели место, а в 1707 г. они даже заключили союз. См. об этом, на пример: *Márki S.* Nagy Péter cár és II. Rákóczi Ferenc szövetsége 1707-ben (далее — Nagy Péter cár). Bp., 1913. 96. old. (Értekezések a Történeti Tudományok Köréből. XXIII/6. köt.).
- ¹⁰ *Illés B.* Páztortüzek a Kárpátok ormain (далее — Páztortüzek) // *Magyar Újság.* 1. évf. 21. sz. 1944. 26 IX. 4. old.
- ¹¹ *Illés B.* Rákóczi és az oroszok (далее — Rákóczi) // *Új Szó.* 1. évf. 2. sz. 1945.6.II. 3–4. old. Ср.: *Fogarasi B.* Op.cit. 3. old.
- ¹² *Illés B.* Rákóczi. 3. old.
- ¹³ Ср.: *Kassai G.* Egy perc híján tizenkettő // *Magyar Újság.* 1. évf. 21. sz. 1944.26.IX. 1. old.; *Idem.* Igazságos és igazágtalan háború // *Idem.* 2. évf. 10. sz. 1945. 25 I. 2–3. old.
- ¹⁴ См. сн. 1 настоящей работы и соответствующую часть основного текста.
- ¹⁵ Например, венгерский историк и политик Балинт Хоман (1885–1951) в одной из своих работ, написанных во время Второй мировой войны, утверждал: «Мощная Германская империя, собравшая воедино силы немцев, служит естественным тылом для венгров, а сильная и единая Венгрия является бастионом германского мира в общей борьбе против сил с востока». (См.: *Hóman B.* Magyar sors — magyar hivatás. Múlt és jövő. Bp., 1942. 156. old.) Премьер-министр Венгрии Миклош Каллаи (1887–1967) в своей речи, произнесенной по радио 18 июня 1942 г., говорил: «Наша миссия на восточном рубеже Европы была predeterminedена историей, чтобы мы, стоя на этом рубеже, всегда, в одиночку, брошенные всеми, защищали Запад [...] В наши дни мы снова выполняем историческую миссию [...] Но теперь мы боремся не в одиночку». (См.: *Kállay M.* «Köszöntöm ma Magyarország Kormányóját!» Rádióköszöntő Kormányzó Urunk születésnapján, 1942. június 18 // *A magyar nép a nagy viharban.* Kállay Miklós miniszterelnök kilenc beszéde. Bp., 1942. 80. old.)
- ¹⁶ Например, венгерский историк и политик Балинт Хоман (1885–1951) в одной из своих работ, написанных во время Второй мировой войны, утверждал: «Мощная Германская империя, собравшая воедино силы немцев, служит естественным тылом для венгров, а сильная и единая Венгрия является бастионом германского мира в общей борьбе против сил с востока». (См.: *Hóman B.* Magyar sors — magyar hivatás. Múlt és jövő. Bp., 1942. 156. old.) Премьер-министр Венгрии Миклош Каллаи (1887–1967) в своей речи, произнесенной по радио 18 июня 1942 г., говорил: «Наша миссия на восточном рубеже Европы была predeterminedена историей, чтобы мы, стоя на этом рубеже, всегда, в одиночку, брошенные всеми, защищали Запад [...] В наши дни мы снова выполняем историческую миссию [...] Но теперь мы боремся не в одиночку». (См.: *Kállay M.* «Köszöntöm ma Magyarország Kormányóját!» Rádióköszöntő Kormányzó Urunk születésnapján, 1942. június 18 // *A magyar nép a nagy viharban.* Kállay Miklós miniszterelnök kilenc beszéde. Bp., 1942. 80. old.)
- ¹⁷ *Márki S.* Nagy Péter cár. 33. old. Мысли, которые можно рассматривать как близкие изложенной в *Új Szó* концепции, встречаются и в данных Шандору Недеcki инструкции общего плана, согласно которым «северная монархия» Петра I, «восточное государство никогда не могло бы достичь цели с меньшими усилиями, чем если бы Венгрия вышла из-под власти Австрии, находясь под которой не может способствовать осуществлению этого стремления. Потому что император искренне никогда не допустит, чтобы власть царя на востоке возросла, а венгерский король этому с радостью будет содействовать хотя бы для того, чтобы, освободившись из-под австрийского ига, сохранить свою власть». Ракоци просит царя «и о том, чтобы тот тайно прислал пороха для продолжения самого справедливого дела». В подробных

- инструкциях содержится еще такая просьба руководителя освободительной борьбы к русскому монарху: «Во время шведско-русско-австрийской войны царь пусть дает по 1000 талеров ежемесячно на нужды венгерской армии». При выполнении определенных предварительных условий Ракоци «объединил бы с царской армией свои трансильванские войска и отряды своих владений в Венгрии, чтобы царь мог более решительно выступить в войне против австрияков». *Ibid.* 32., 34. old.
- ¹⁸ Ср.: *Kassai G.* 1941. február 5. // *Új Szó.* 1. évf. 2. sz. 1945.6.II. 2. old.
- ¹⁹ *Illés B.* Páztortűz. 4. old.
- ²⁰ *Illés B.* Páztortűzek. 4. old.
- ²¹ *Markó Á.* II. Rákóczi Ferenc 1676–1735. Bp., 1935. 48. old. (Kincsestar. 142. köt.).
- ²² *Szekfü Gy.* Op. cit. IV. köt. 281. old.
- ²³ *Ibid.* 306. old. См. также: *Acsády I.* Op. cit. 658. old.
- ²⁴ *Illés B.* Rákóczi. 4. old.
- ²⁵ На вымысел о поддержке со стороны России Б. Иллеша могла натолкнуть французская помощь, в действительности оказанная венгерской освободительной борьбе: фрагменты различных работ, посвященных этой тематике, можно связать со статьями 1944–1945 гг. Например, Ракоци в «Исповеди» следующим образом описывал, как, находясь в Польше, он просил помощи французов, прежде чем отправиться в Венгрию: «Тем временем дело, о котором меня известили, я представил французскому двору и министрам двора; я просил денежных средств для найма военных, чтобы держать их в готовности в Данциге; я потребовал, чтобы оружие и офицеры были наготове, дабы из восставшего народа с мятежной и неугомной душой немедленно отобрать годящихся в наемники и создать из них полки; командование ими на первых порах поручить офицерам-иностранцам». См.: II. Rákóczi Ferenc fejedelem önéletrajza. 160. old. Ср. со второй частью статьи в *Új Szó* 1945 г. Ачади обобщенно представил французскую помощь в следующем виде: «Лишь одна Франция с 1703 г. и до конца оказывала поддержку Ракоци. Она оказывала ему регулярную финансовую помощь и даже посылала офицеров, чтобы те занялись организацией его армии». См.: *Acsády I.* Op. cit. 605. old. Ср. с первой и пятой частью текста в *Új Szó.* Деятельность французов, принимавших участие в венгерской освободительной борьбе, Марки описывал так: Ракоци «еще до своего прибытия в Венгрию просил у Людовика XIV военных инженеров, бомбардиров, пушкарей... и тот спустя десять месяцев и правда прислал несколько французских военных инженеров, заслуги которых (Ле Мэр, Де ла Мотт, Дамуазьё, Ривьер, Берсонвиль, Сен-Жюст) в организации артиллерии куршув, вне всякого сомнения, действительно, были велики. Князь 26 декабря 1705 г. поручил организацию артиллерии главному инспектору артиллерии Яношу Сандаи *Шрептеру* (бывшему капитану французской артиллерии) и полковнику артиллерии Де ла *Момму*». См.: *Márki S.* II. Rákóczi Ferenc. Bp., 1909. II. köt. 1707–1708. 167–168. old. (Magyar Történeti Életrajzok. 53. köt.). Ср. с написанным о русских артиллеристах в статьях Б. Иллеша 1944–1945 гг. Согласно этим работам, Ракоци прислал денег и военных не французы и Людовик XIV, а российский государь Петр I — по всей вероятности из-за того, чтобы описание (реальной) помощи со стороны французов не могло преуменьшить воздействия (фиктивной) российской поддержки и тем самым эффективности просоветской пропаганды, распространяемой в том числе и таким способом. Автор статей даже не упомянул о французской помощи...
- ²⁶ См., в частности: *Mevius M.* Agents of Moscow. The Hungarian Communist Party and the Origins of Socialist Patriotism 1941–1953. Oxford, 2005. P. 54–68. (Oxford Historical Monographs).
- ²⁷ *Kárpáti A.* Rákóczi születésnapja // *Új Szó.* 1. évf. 25. sz. 1945.27.III. 2. old.
- ²⁸ *Illés B.* Rákóczi és az oroszok // *Fogarasi B., Illés B.* Magyar-orosz történelmi kapcsolatok (далее — *Kapcsolatok*). Bp., 1945. 25–30. old. (Jó Szomszédtság Könyvtára, 6. sz.).

- По сравнению с текстом, опубликованным на страницах *Új Szó*, в этом сборнике статья вышла с небольшими изменениями, несущественными с точки зрения содержания.
- ²⁹ См.: *Fogarasi B., Illés B. Előszó // Kapcsolatok. 5. old.*
- ³⁰ См.: *Fogarasi B. A magyar és az orosz nép. 3. old.; Illés B. Rákóczi. 3. old.*
- ³¹ *Fogarasi B. A magyar és az orosz nép. 3. old.*
- ³² *Illés B. Rákóczi. 3. old.*
- ³³ *Kapcsolatok. 5–6. old.*
- ³⁴ Ср., напр.: *Gyáni G. A kollektív emlékezet két formája: hagyomány és történelmi tudás // Idem. Az elveszített múlt. A tapasztalat mint emlékezet és történelem. Bp., 2010. 89–93. old.*
- ³⁵ См., напр.: *Vörös B. Die Darstellung der Sowjetunion an der Budapester antibolschewistischen Ausstellung im Dezember 1941. «Die apokalyptischen Tiefen des russischen Bolschewismus» // The European Paradigm. Special Edition of Sic Itur ad Astra [1991] P. 42–54.*
- ³⁶ См. также: *Illés B. Ünneprapra // Magyar Rádió. 2. évf. 13. sz. 1946.29.III. 2. old.; Idem. Április negyedike // Új Szó. 2. évf. 77. sz. 1946.4.IV. 1. old.* Похожей выдумкой была история капитана Гусева и его товарищей. См., например: *Illés B. Orosz tisztek Kossuth Lajosért // Új Szó. 1. évf. 3. sz. 1945.10.II. 3. old.* Рассмотрение данной фикции выходит за рамки данной статьи.
- ³⁷ *Jepticin E. Az orosz és a magyar nép történelmi kapcsolatai // Új Szó 3. évf. 62. sz. 1947.15.III. 7. old.* Бела Леваи, сотрудник газеты *Új Szó* утверждал, что Э. Ептицын является «советским ученым» (См.: *Lévai B. A magyarországi centenárius ünnepségek során feltárják a magyar szabadságharc orosz vonatkozásainak igazi hátterét // Új Szó. 3. évf. 244. sz. 1947.26.X. 7. old.*). В процессе исследовательской работы мне, однако, не удалось найти заслуживающих доверия сведений о личности и деятельности Э. Ептицына, а также не удалось установить, из каких источников почерпнул приведенную информацию Леваи.
- ³⁸ *Illés B. Nonfoglalás. 1943. I. köt. S. 1., 1952. 125–126. old.*
- ³⁹ В то время могли способствовать приданию достоверности этому вымыслу и исторические научные труды, представившие в качестве реальных исторических событий многие элементы фикции Б. Иллеша. См. следующий раздел настоящей статьи.
- ⁴⁰ До смерти Б. Иллеша в начале 1974 г. этот вымысел с некоторыми несущественными по содержанию изменениями получил отражение в изданиях романа «Завоевание родины» 1954, 1955, 1963, 1964, 1970 и 1972 гг. Приведенной в романе фикции придавали убедительность не только статьи Иллеша 1940-х гг., но и тот факт, что писатель в сборнике «В окопе...» (1967) вновь опубликовал свою статью «Ракоци и русские» (1945) с изменениями, не затрагивающими главные элементы изложения, а также статью «Четвертое апреля» (1946) с несущественными изменениями, тем самым давая понять, что не считает содержащиеся в них утверждения опровергнутыми или не соответствующими действительности. См. *Illés B. Rákóczi és az oroszok // Idem. Lövészárokban... Válogatott cikkek, publicisztikai írások, karcolatok 1916–1966 / Vál., szerk. J. Jászberényi. Bp., 1967. 309–312. old.; Idem. Április negyedike // Idem. Lövészárokban... 416–419. old.*
- ⁴¹ См., напр.: *Hegedűs G. II. Rákóczi Ferenc és a kuruc szabadságharc. Bp., 1947. 9–11. old. (Szabad Föld könyvtára, 50); Erős J. Magyarok és oroszok. 1. // Magyarország és Kelet-Európa. A magyarság kapcsolatai a szomszéd népekkel / Szerk. I. Gál. Bp., 1947. 31–43. old.* О венгерской исторической науке после 1945 г. см., в частности: *Sipos P. Hungarian Historical Scholarship and Marxism-Leninism // The Soviet System and Historiography, 1917–1989. Preliminary Papers for the Montréal Session / Ed. by F. Glatz.; assistant. ed. A. Pók. Bp. 1995. P. 95–103.*
- ⁴² См.: *Zsigmond L., Heckenast G., Pach Zs. P., Ravasz J. et al. Történelem a középiskolák III. osztálya számára (далее — Történelem). Bp., 1949. 213. old.* Насколько мне известно, этот учебник позднее не переиздавался.

- ⁴³ *Ibid. 188–189., 202., 214. old.*
- ⁴⁴ *Illés B. Rákóczi. 3. old.*, то же в книге: *Kapcsolatok. 26. old.*
- ⁴⁵ *Történelem. 213. old.*
- ⁴⁶ *Pach Zs. P. Függetlenségi küzdelmeink a Habsburgok ellen a XVII. században. A Rákóczi-szabadságharc. Előadás a Pártfőiskolán 1951. március 22-én. Bp., 1951. 46. old. (A Magyar Dolgozók Pártja Pártfőiskolájának Előadásai. 13. sz.).*
- ⁴⁷ *Ibid. 46. old. (сноска 63).* Автор ссылается на: *Rákosi Mátyás elvtárs beszámolója // A szocializmus építésének útján. A Magyar Dolgozók Pártja II. kongresszusának anyagából. Bp., 1951. 70. old.* В этой части своей речи Ракоши представил «прогрессивные традиции» следующим образом: «Во времена угнетения не мог стать общенародным достоянием тот факт, что вековая борьба нашего народа против турецких завоевателей и немецких поработителей, череда ярких освободительных войн совпала с делом международного прогресса. Времена Габсбургов, десятилетия хортистской контрреволюции всё сделали для того, чтобы скрыть от нас, предать забвению и похоронить прогрессивные, а значит, лучшие традиции нашей истории. Теперь, когда мы вновь обрели национальную независимость, теперь, как никогда прежде, пришло время обратиться к традициям, придающим силу и воспеваящим Хуняди, Ракоци, Кошута, Петёфи. Эти традиции гласят, что наша родина была сильной, уважаемой и независимой именно тогда, когда связывала свою судьбу с международным прогрессом.
- Мы являемся законными наследниками, прямыми продолжателями того, что было в нашей тысячелетней истории прогрессивного, жизнеспособного и устремленного в будущее [...] Так будем развивать и приведем к триумфу великие идеи венгерского прогресса».
- ⁴⁸ *Ibidem. (Pach Zs. P. Op.cit. 46. old. (сноска 64).*
- ⁴⁹ *Ibid. 47. old. (сноска 65).*
- ⁵⁰ *Ibid. 46. old. (сноска 64).*
- ⁵¹ Этот вымысел вошел и в другие работы Паха того периода. См.: *Pach Zs. P. Bevezetés // II. Rákóczi Ferenc emlékiratai. Bp., 1951. 17. old.* В сокращенном переводе на словацкий язык см.: *Pach Zs. P. Význam odboja Františka Rákócziho II. v zápase za nezávislosť Uhorska // Kapitoly z uhorských dejín. Bratislava, 1952. S. 144.* В то же время эта фикция не получила отражения во всех работах того времени, посвященных освободительной войне под предводительством Ракоци. См., в частности: *Wittman T. Történelmünk haladó hagyományai. 1604–1918. Bp., 1951. (Szocialista Nevelés Kiskönyvtára. 25. sz.).*
- ⁵² *Kosáry D. Bevezetés a magyar történelem forrásaiba és irodalmába. Bp. 1951. I. köt. 469. old.*
- ⁵³ См.: *A Petőfi Kör vitái hiteles jegyzőkönyvek alapján. III. köt. Történészvita / Szerk., összeáll., jegyz. V. A. Hegedűs, J. M. Rainer. S. 1., 1990. 53. old. (Politikatudományi Füzetek).*
- ⁵⁴ *Perényi J. II. Rákóczi Ferenc és I. Péter diplomáciai kapcsolatainak kezdetei // Magyar-orosz történelmi kapcsolatok / Szerk. E. Kovács E. Bp., 1956. 93. old. (сноска 13).*
- ⁵⁵ При этом в статье, опубликованной в *Szabad Ifjúság* («Свободная молодежь») в феврале 1955 г., утверждалось, что «царь Петр Великий оказывал поддержку освободительной борьбе нашего народа деньгами, пушками и инструкторами». *Agárdi F. Nagy Péter cár és a magyarok // Szabad Ifjúság. 6. évf. 32. sz. 1955.8.II. 4. old.*
- ⁵⁶ *Péter L. A nemzeti múlt legendái és tilalomfái // Belső tilalomfák. Tanulmányok a társadalmi öncenzúráról. Szerk. E. Karátson, N. Neményi München, 1982. 150. old.* Ср. также: *R. Várkonyi Á. Befejezetlen történelem // A Rákóczi-szabadságharc. Szerk. Á. R. Várkonyi, D.D. Kis. Bp., 2004. 767. old. (Nemzet és Emlékezet).*
- ⁵⁷ См.: *Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1985. P. 1–14. (Past and Present Publications); Bonnell V. E. Iconography of Power. Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. Berke-*

ley; Los Angeles; London, 1997. P. 1–19, 281–284. (Studies on the History of Society and Culture. N 27); *Glatz F. Politics and Historical Science in the Countries of the Soviet System // The Soviet System and Historiography. Вр., 1995. P. 13–16.*

⁵⁸ При этом сомнительно, что когда-либо будет внесена ясность в вопрос: знали ли сотрудники Б. Иллеша, распространители фиктивных элементов связей Ференца II Ракоци и Петра I, что вымысел они представляют в качестве действительно произошедших событий...

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Шереш

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ Е.В. ТАРЛЕ О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ФЕРЕНЦА II РАКОЦИ И СОВЕТСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА I КОНГРЕССЕ ВЕНГЕРСКИХ ИСТОРИКОВ 1953 г.*

Труды блестящего российского историка, академика АН СССР Евгения Викторовича Тарле (1874–1955) известны и востребованы современной исторической наукой. Однако небольшой по объему доклад ученого о внешней политике трансильванского князя Ференца II Ракоци и международном контексте Освободительной войны 1703–1711 гг. никогда, насколько известно, не публиковался¹.

Доклад был написан в 1953 г., в период, когда отношения между СССР и Венгрией развивались в рамках формировавшейся системы социалистического содружества² и на высшем уровне носили во многом показательный, пропагандистский характер. Историк зачитал этот текст перед широкой, не научной аудиторией в рамках торжественного общественно-политического мероприятия. Однако взгляды Е.В. Тарле на заявленную проблему представляют особый интерес. Как отмечают биографы, его трудно считать марксистом в полном смысле слова, о чем помимо прочего свидетельствуют конфликты ученого с властью. В данном случае, как и во всех других, он старался давать объективную оценку исторических событий. Ниже пойдет речь о некоторых фактах и обстоятельствах, помогающих реконструировать историю написания доклада.

Для исследователей творчества Е.В. Тарле не секрет, что он был знаком с историей Венгрии и венгерского народа, знал ее основные вехи, понимал специфику и уникальные черты развития. Его первый научный труд был посвящен проблемам крестьянской войны начала XVI в.³ После Первой мировой войны некоторые из его монографий касались вопроса о территориальном переустройстве Центральной и Восточной Европы, который оказался особенно болезненным именно для Венгрии, потерявшей около двух третей своей территории.

* Автор статьи выражает благодарность ведущему научному сотруднику Института славяноведения РАН А.С. Стыкалину за то, что обратил его внимание на неопубликованную рукопись Е.В. Тарле, хранящуюся в АРАН.